

Е. Ю. ДУБРОВСКАЯ

**ДНЕВНИК И. И. РЕНГАРТЕНА
КАК ИСТОЧНИК О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ГЕЛЬСИНГФОРССКОГО СОВЕТА В 1917 г.**

Дневниковые записи, оставленные флаг-офицером штаба Балтийского флота капитаном 1-го ранга И. И. Ренгартенем, освещают события первой мировой войны на Балтике. В течение четырех лет боевые действия флота, жизнь командного состава, обстановка в Финляндии подробно описывались в личных заметках очевидца, названных им «Дневник мировой войны на Балтийском морском театре». Источник привлекает к себе внимание прежде всего освещением революционных событий в Гельсингфорсе, в центре которых оказался автор дневника. Оставаясь одним из выразителей либерально-буржуазных настроений части офицерства, в этот период Ренгартен не ограничивал себя прежними узкофлотскими интересами. В его записях нашло отражение множество новых явлений, сопутствовавших свержению самодержавия и периоду дальнейшего развития революции вплоть до победы Советской власти. Среди них — революционизация моряков Балтийского флота, солдат Северного фронта, финских и русских рабочих; укрепление Советов, флотских и армейских комитетов, превращение их в подлинные органы революционной власти в главных центрах Финляндии — Гельсингфорсе, Гангэ, Або-Оланде; усиление влияния большевиков на флоте; непосредственная подготовка Великой Октябрьской социалистической революции.

Наличие обширного круга источников позволяет осуществить сравнительный критический анализ дневника Ренгартена с целью привлечения его в качестве интересного, хотя и не свободного от субъективизма свидетельства исследуемых событий. Место, которое занимал в них флаг-офицер штаба, а следовательно, и его осведомленность о происходившем, можно определить на основании отдельных биографических сведений об Иване Ивановиче Ренгартене (1883—1920 гг.).

К началу Февральской революции Ренгартену было 33 года. Дворянин Ковенской губернии, высокообразованный, знающий

три иностранных языка,¹ он участвовал в русско-японской войне, воевал в Порт-Артуре, испытал горечь японского плена.² В 1912 г. на Балтийском флоте образовалась группа старших офицеров, куда Ренгартен вошел вместе с князем М. Б. Черкасским и Ф. Ю. Довконтом. Это были, как определяет один из исследователей, представители «новой категории флотских офицеров, тесно связанные с прогрессивной буржуазией» и «глядевшие на внутреннюю и в особенности на внешнюю политику глазами последней».³ Усиление позиций этой группы на флоте, в конце января 1917 г. предложившей командующему флотом А. И. Непенину свой план дворцового переворота, ответственная должность начальника разведывательного отделения штаба, которую Ренгартен занимал с 1916 г., его личные связи с представителями высшего командования флота — все это обстоятельства, говорящие о том, что Ренгартен всегда был в курсе всех событий на Балтике.

Имевший в офицерских кругах репутацию либерала, а после крушения самодержавия особенно подчеркивавший свою приверженность революции, Ренгартен в числе первых представителей от офицеров флота был избран в Гельсингфорский Совет депутатов армии, флота и рабочих,⁴ который образовался в начале марта 1917 г. В течение семи дней он принимал активное участие в деятельности Исполнительного комитета этой организации, неоднократно вел его заседания как товарищ председателя исполкома и член президиума Совета,⁵ до сложения с себя полномочий возглавлял секцию наказа при Исполнительном комитете.⁶

На протяжении последующих месяцев вполне закономерно эволюция настроений автора дневника. Первоначально восторженное отношение к установлению новой власти быстро сменилось недоумением по поводу развития революционных событий и, наконец, откровенной контрреволюционностью и апатией накануне Октября и после него.

В составе инициативной группы штабного офицерства Ренгартен с середины марта сосредоточил внимание на организации «Союза воинов-республиканцев», который начал пропагандировать лозунг «надклассового единения» офицеров и матросов. «Союз» был создан в Гельсингфорсе при содействии одного из лидеров меньшевиков М. И. Скобелева⁷ и фактически являлся филиалом «Союза офицеров-республиканцев Народной армии».⁸ В октябре флаг-офицер штаба выдвигался кандидатом в члены Учредитель-

¹ Дрезен А. К. Октябрьская революция в Балтийском флоте. — Красный архив, 1927, № 6, с. 34.

² ЦГАВМФ, ф. р-29, оп. 1, д. 200, л. 55 об.

³ Дрезен А. К. Центральные матросские и офицерские организации Балтийского флота в 1917 г. — Красная летопись, 1929, № 3, с. 51.

⁴ ЦГАВМФ, ф. р-2063, оп. 1, д. 16, л. 35.

⁵ Там же, д. 2, л. 5.

⁶ Известия Гельсингфорского Совета, 1917, № 10, 23 марта.

⁷ Красный архив, 1929, № 1, с. 112.

⁸ Петраш В. В. Моряки Балтийского флота в борьбе за победу Октября. М.; Л., 1966, с. 91.

ного собрания от группы офицеров флота и армии по Балтийскому избирательному округу.⁹

Накануне Октябрьской революции автор делает дневниковую запись об открывавшихся перед ним «двух путях», решительно отвергая первый из них: «уехать подальше и не видеть России, пока не образуется вновь страна с определенным порядком вещей» — в пользу другого: «остаться, чтобы отдать свои силы на создание этого нового порядка».¹⁰

Не оправдывая самоустранения многих офицеров штаба от выполнения их повседневной работы, Ренгартен 14 ноября дал принципиальное согласие на чтение лекций по электротехнике в матросском Университете Гельсингфорса.¹¹ 25 ноября он выехал в Петроград по приглашению на Всероссийский съезд радиотелеграфистов, который приветствовал от имени делегатов Балтики, подчеркивая, что «его опыт и знания к услугам съезда», однако уклонился от постоянного участия в его заседаниях.¹² Отношение капитана 1-го ранга к революционным событиям с самого начала их развития оставалось сложным и неоднозначным, послеоктябрьский период его жизни был полон колебаний и внутренних противоречий. Как и большинство офицеров штаба, он выступал за признание лишь того правительства, которое будет создано Учредительным собранием. Вместе с тем его деятельность в первые годы Советской власти можно рассматривать в свете привлечения военных специалистов для работы в государственном аппарате.

В 1918 г. автор дневника начал преподавать в военно-морском отделе Морской академии и одновременно сотрудничать в Комиссии по исследованию и использованию опыта мировой войны 1914—1918 гг. на море.¹³ И. И. Ренгартен умер 14 января 1920 г. Деятельность, ставшая основной в последний период его жизни, непосредственно отразилась на судьбе исследуемого документа.

Источник, хранящийся в Центральном государственном архиве Военно-Морского Флота, в фонде Морской исторической комиссии при историческом отделе Оперативного управления штаба Рабоче-Крестьянского Красного Флота, представляет собой неполную, заверенную автором машинописную копию с личного дневника Ренгартена;¹⁴ судьба подлинника неизвестна. Копия была снята в Морской академии в качестве материала для Морской комиссии, редактором оперативного отдела которой был назначен Ренгартен. Указанное обстоятельство дает возможность предполагать, что сокращение текста дневника при копировании осуществлялось самим автором и что он достаточно тщательно сверил копию с подлинником в той его части, которая предназна-

⁹ Красный архив, 1927, № 6, с. 40.

¹⁰ ЦГАВМФ, ф. р-29, оп. 1, д. 200, л. 74.

¹¹ Красный архив, 1927, № 6, с. 63.

¹² Там же, с. 78.

¹³ Там же, с. 36.

¹⁴ ЦГАВМФ, ф. р-29, оп. 1, д. 199, 200.

чалась Ренгартеном для пользования комиссии. Следы этой сверки встречаются в тексте копии в виде его рукописных правок и даже воспроизведенных чернилами схем технического характера.

Первая часть источника объемом в 394 листа охватывает период с 12 июля 1914 г. по 20 декабря 1916 г. Как правило, внимание исследователей было обращено ко второй части дневника, отразившей события целой эпохи в истории нашей страны от времени крушения российского самодержавия до возникновения первого в мире рабоче-крестьянского государства. Этот раздел, содержащий 160 листов машинописного текста, датирован 2 января 1917 г. — 5(18) февраля 1918 г.

Обращает на себя внимание форма ведения дневниковой записи в основном в виде ежедневного повествования автора о текущих происшествиях. Такая запись характерна для периодов бурных революционных событий, совершавшихся на глазах автора. Во время буржуазно-демократического переворота в Гельсингфорсе, в дни Октября Ренгартен в течение одних суток неоднократно обращался к продолжению прерванной записи. Авторские наблюдения из-за болезни и по другим причинам записались в дневник с перерывами от нескольких дней до нескольких недель и приобретали характер полувоспоминаний. Запись такого рода, охватывающая большое количество явлений, требующая их систематизации и осмысления, давалась в виде перечисления по пунктам основных фактов и сжатых выводов из них.

Частичная публикация дневника была осуществлена его первым исследователем А. К. Дрезеном.¹⁵ Опубликованными оказались записи, которые составили небольшую, но охватившую наиболее значительные события 1917 г. часть источника. Помещение фрагментов дневника на страницах «Красного архива» впервые было предпринято в 1927 г. в связи с празднованием 10-летия Октябрьской революции. По этой причине заключительная часть записей, освещающая события с 13 октября по 18 декабря 1917 г., увидела свет раньше других разделов, хронологически ей предшествовавших (с 2 января по 14 марта и с 6 августа по 26 сентября 1917 г.), по введенных в научный оборот лишь в 1929 г. Воспроизведенные Дрезеном записи Ренгартена и копии, хранящиеся в ЦГАВМФ, текстуально совпадают, это позволяет предположить, что публикация 1927—1929 гг. осуществлялась по заверенной Ренгартеном копии и что уже тогда исследователь не располагал подлинником.

Каждый из помещенных в журнале фрагментов дневника А. К. Дрезен сопровождает именованным указателем, историческими справками и комментариями, что составляет неоценимое достоинство публикации. Сделанные им выводы не потеряли научной значимости и в наше время.¹⁶ Исключив из публикуемого мате-

¹⁵ Красный архив, 1927, № 6, с. 34—95; 1929, № 1, с. 88—124; № 4, с. 5—36.

¹⁶ Дрезен А. К. 1) Армия и флот в Февральской революции. — Красная летопись, 1932, № 1—2, с. 22—68; 2) Борьба за советизацию Балтийского

риала заведомо неверные, по его мнению, замечания, тенденциозно характеризующие события, Дрезеп сохранил в тексте курсив источника и авторские знаки, от которых зачастую зависит не только эмоциональная окраска повествования, но и смысл самой записи.

Отрывки из дневника Ренгартена включались в сборники документов.¹⁷ Подготовка к печати фрагмента, вошедшего в сборник, посвященный участию моряков-балтийцев в революции, отличалась сокращением количества купюр по сравнению с публикацией документа в «Красном архиве» и указанием тех мест, где отдельные замечания Ренгартена по тем или иным причинам были опущены.¹⁸

Публикация дневника, осуществленная Дрезепом, все же продолжает оставаться наиболее полной по объему воспроизведенного в ней материала источника.

Однако дневник Ренгартена еще не был объектом отдельного источниковедческого исследования. В сфере исследовательских интересов историков чаще оказывались сообщения дневника о заговорщических намерениях окружения Ренгартена.¹⁹

Главной целью настоящей работы является оценка наблюдений автора, характеризующих деятельность Гельсингфорского Совета депутатов армии, флота и рабочих в разные моменты развития революции. Это прежде всего касается освещения Ренгартеном процесса образования Совета и начала его деятельности. Следует отметить, что история этой демократической организации почти не подвергалась систематическому изучению, хотя архивные источники, материалы прессы, мемуарная литература предоставляют исследователям большие возможности систематизации знаний в этой области. Вот почему указанный фрагмент заслуживает детального рассмотрения.²⁰ Сведения о Гельсингфорском Совете, встречающиеся в дневнике Ренгартена, имеют значительный интерес для разработки ряда малоисследованных проблем. Среди них — анализ событий, связанных с образованием Совета, показ результатов стихийной революционной деятельности его первых депутатов, выявление этапов его политического роста — от явного оборончества и соглашательства до полной поддержки большевистских идей к октябрю 1917 г.

Специальное обращение к февральскому и мартовскому фрагментам дневника определяется и тем обстоятельством, что в ука-

флота. — Там же, 1929, № 6, с. 115—168; 3) Центральные матросские и офицерские организации Балтийского флота в 1917 г. — Там же, № 3, с. 43—104.

¹⁷ Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции. М.; Л., 1957. 435 с.; Балтийский флот в Октябрьской революции и гражданской войне. М.; Л., 1932. 338 с.

¹⁸ Балтийские моряки... с. 273.

¹⁹ Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны. Л., 1967, с. 304; Старцев В. П. Русская буржуазия и самодержавие в 1905—1917 гг. Л., 1977, с. 249.

²⁰ Красный архив, 1929, № 1, с. 115.

занный период есть основания рассчитывать на большую объективность Ренгартена в характеристике и показе мероприятий демократической организации, нежели в последующие месяцы, когда бывший «мартовский социалист» по мере вовлечения в революцию более широких и более сознательных масс все дальше отходил от своих прежних демократических взглядов.

Важной задачей источниковедческого анализа является установление конкретных источников, на основании которых создавались записи Ренгартена и которые обеспечили информативную ценность документа. Основным из них стали личные наблюдения автора, в рамках одного или нескольких дней фиксировавшие события, их даты, фамилии участников, последовательность явлений. К тому же Ренгартена нельзя назвать пассивным наблюдателем, это подтверждают его сообщения периода работы в Гельсингфорском Совете: «Я говорил много со всеми, особенно с крайними элементами». Впечатления, сложившиеся у него в результате такого общения, находили отражение в дневнике в виде характеристик отдельных депутатов. Примерами могут служить его восторженный отзыв о председателе Совета — делегате от рабочих Н. Хильяни²¹ — и уничтожающее замечание в адрес тогдашнего члена Президиума прапорщика В. Бриллиантова, одного из случайных вдохновителей только что образовавшегося Совета: «... по первым дням революции знаю этого демагога и лстеца толпе».²²

Анализ содержания записей наглядно подтверждает, что благодаря служебному положению Ренгартена источником его осведомленности становились данные, недоступные большинству других современников. Они были получены как в результате разведработы, так и вследствие причастности к политической группировке и дореволюционных связей с буржуазной оппозицией столицы. Источниками записей автора становились поступавшие в штаб Балтийского флота телеграммы, радиограммы, воззвания. В поле зрения Ренгартена попали и такие в большинстве несохранившиеся документы, как расклеивавшиеся по городу лозунги и обращения партий и организаций.²³ В дни апрельского кризиса в дневнике появляется красноречивое сообщение от 23 апреля: «Я знаю наверное, что вчера матрос с „Павла“, теперь „Республиканец“, покупал в лавке красную материю для знамени, на котором будет написано „Долой войну!“»²⁴ В записи есть ссылка на газетные материалы, свидетельствующие о знакомстве Ренгартена с печатью самых различных направлений, в дневнике нередко фиксировалось его отношение к информации, поступавшей из той или иной газеты. В апреле, например, автор источ-

²¹ Там же.

²² Там же, 1927, № 6, с. 39.

²³ Там же, с. 57.

²⁴ ЦГАВМФ, ф. р-29, оп. 1, д. 200, л. 24.

ника замечает, что «вынужден» читать «Новое время»,²⁵ что ввиду махровой контрреволюционности «Общего дела» — «органа вне партий» — 10 октября Ренгартен отказал ее издателям в распространении среди матросов, заявив: «...сегодня никто не станет ее читать, а если захочет, то побоится».²⁶ Если в марте он резко отзывается о начавшем выходить органе Гельсингфорского комитета большевиков «Волна»,²⁷ даже не ознакомившись с его содержанием, то 14 сентября сообщает, что впервые прочитанная им газета «Прибой» (преемник «Волны», закрытой в дни июльского наступления контрреволюции) «содержит много прямолинейного и последовательного», «не без едкого остроумия».²⁸ В источнике встречаются упоминания о сделанных для Ренгартена переводах статей из финской социал-демократической «Рабочей газеты»,²⁹ цитируются высказывания об обстановке в России из «заграничной печати», в том числе из английского журнала «Нью Стейтсмен».³⁰

Отличительной особенностью источника, определяемой личностью его автора, является пунктуальность дневника. Ренгартен относился к оформлению личных записей, как к ведению вахтенного журнала, указывая не только часы, но и минуты каждой из них. Отмеченная выше пунктуальность имеет особое значение при воссоздании процесса образования Гельсингфорского Совета.

В сохранившихся свидетельствах очевидцев, в воспоминаниях участников мартовских событий в столице Финляндии о нем встречаются весьма отрывочные сведения, поэтому исследователи, как правило, лишь отмечают факт возникновения объединенного Совета депутатов на другой же день после совершившегося 3 марта восстания матросов на кораблях Гельсингфорской базы.³¹ Сопоставление дневника Ренгартена с материалами других источников дает возможность проверить сообщаемые в них сведения, позволяет дополнить или уточнить их. Это прослеживается, например, при сравнении дневниковых записей с опубликованными выдержками из флагманского исторического журнала,³² который в рассматриваемое время велся на линейном корабле «Петропавловск» поручиком Е. И. Максимовым. В вечерней записи за 3 марта им отмечено, что «около 9 час. к „Петропавловску“ подошли депутаты от 2-й и 1-й бригад линейных кораблей, выбранные к командующему»³³ и направлявшиеся на почальное судно «Кречет», где размещался штаб. В 20 ч 05 мин

²⁵ Там же, л. 23.

²⁶ Там же, л. 73 об.

²⁷ Там же, л. 20 об.

²⁸ Там же, л. 54.

²⁹ Там же, л. 27 об.

³⁰ Красный архив, 1929, № 1, с. 98.

³¹ Киуру М. Х. Боевой резерв революционного Петрограда. Петрозаводск, 1965, с. 9; Петраш В. В. Моряки Балтийского флота..., с. 51; Хесин С. С. Октябрьская революция и флот. М., 1971, с. 76.

³² Балтийские моряки..., с. 30—32, 36—37, 43—44.

³³ Там же, с. 31.

находившийся там Ренгартен подтвердил эти сведения занесенным в дневник наблюдением: «По направлению к „Кречету“ идут толпы матросов с кораблей», а через полчаса зафиксировал картину митинга в порту близ «Кречета», где к этому времени «собралась огромная толпа».³⁴

По-видимому, здесь идет речь о первом крупном собрании представителей революционных матросских масс, на котором были выработаны их требования командования и участники которого стали инициаторами новых митингов, подготовивших образование Гельсингфорского Совета.

Запись дневника за 4 марта позволяет точно установить время появления в порту сухопутных полков из Свеаборгской крепости, поддержавших восстание. Согласно сообщению Ренгартена, в 9 ч 10 мин возглавлявшие их офицеры «явились к командующему флотом». Непеницу ничего не оставалось, как приказать «просить суда выслать депутатов к войскам, чтобы помочь им организовать и выбрать депутатов».³⁵

Таким образом, дневник Ренгартена содержит информацию о первом этапе установления организационных связей между матросами и солдатами утром 4 марта, которые явились важной предпосылкой быстрого оформления Гельсингфорского Совета как объединенного революционно-демократического органа армии, флота и рабочих. Фиксируя события по мере их развития, в 17 ч 25 мин автор отметил появление «возле штабного судна трех автомобилей под красным флагом» и упомянул в составе прибывших «депутатов Совета рабочих депутатов» и «солдатский Совет».³⁶ Представляется, что здесь источник содержит уникальное свидетельство о следующем этапе становления Гельсингфорского Совета, когда в продолжение нескольких часов еще существовали отдельные представители от военнопленных и от 10 тысяч русских рабочих, обслуживавших Гельсингфорскую военную базу.

Возникает предположение, что создание объединенного Совета осуществлялось не путем вхождения представителей мастерских Свеаборгского порта в Совет военнопленных, а путем соединения самостоятельных Советов рабочих и военных депутатов. Результатом такого первоначального положения явилось возникновение в составе Гельсингфорского Совета обособленной матросской секции, которая нередко именовалась в его протоколах «Советом матросских депутатов»³⁷ и которая вскоре стала проводником большевистских идей в этой революционно-демократической организации. Материал дневника Ренгартена дополняет сведения протоколов о кратковременности процесса образования объединенного Совета, направившего совместную деятельность флотских, армейских и рабочих избирателей.

³⁴ Красный архив, 1929, № 1, с. 107.

³⁵ Там же, с. 108.

³⁶ Там же, с. 110.

³⁷ Известия Гельсингфорского Совета, 1917, 11 мая.

В дневнике есть упоминание о первом официальном заседании Гельсингфорского Совета, которое открылось в 20 ч 4 марта и на котором был избран его Исполнительный комитет. На собрании присутствовал новый командующий флотом адмирал А. С. Максимов, сразу заявивший, что «считает исполком прикомандированным к своему штабу», и попытавшийся ограничить сферу деятельности революционно-демократической организации передачей в руки этого комитета части «хозяйственных функций и дел внутреннего распорядка».³⁸ Однако Максимов вынужден был считаться с выбравшими его матросскими массами. В этом наглядно проявилось возникшее на флоте, как и по всей стране, двоевластие, пашедшее отражение в лаконичной, но емкой записи дневника Ренгартена от 5 марта: «Красные флаги спущены, организован Исполнительный комитет Совета солдатских, матросских и рабочих депутатов, власть в руках:

1. Исполнительный комитет.

2. Комфлот».³⁹

Насколько сильными были позиции только что образовавшегося и поддерживаемого массами Совета перед лицом сохранившего фактическое руководство на флоте старого командования, ревнистого проводника политики Временного правительства, свидетельствует факт, отмеченный в дневнике Ренгартена 4 марта. Зная о вечернем заседании депутатов в Морском собрании, флаг-офицер штаба именно к ним обратился с ходатайством об освобождении из-под ареста лейтенанта Будкевича, хотя здесь же присутствовали командующий флотом, а также министр Ф. И. Родичев. Примечательно, что представители верховной власти после этого еще «долго говорили с депутатами»,⁴⁰ пока инцидент не был исчерпан. А позже, как сообщает Ренгартен, «секретарь Совета депутатов через меня передал приказание дежурному кораблю послать вооруженную команду... охранять квартиру» барона Майделя, которому угрожал самосуд команды.

Таким образом, в центре авторского освещения событий могли оказаться второстепенные, но лично волнующие Ренгартена подробности о деятельности Гельсингфорского Совета. Вместе с тем обилие деталей повышает информативную ценность документа, который отразил, например, стремление Совета следить за строгим соблюдением законности в отношении классовых врагов, чтобы анархические акты не нанесли ущерба авторитету революционных моряков и не возникало повода для клеветнической кампании.

Запись в дневнике от 5 марта включает в себя перечисление мер по поддержанию нормальной жизни в городе, которые Гельсингфорский Совет принял на второй день своего существова-

³⁸ Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, 1917, № 9, 8 марта.

³⁹ Красный архив. 1929, № 1, с. 111.

⁴⁰ Там же.

ния: «...установился режим: действует Исполнительный комитет, имея прямую телефонную связь с нами», т. е. со штабом командующего флотом, «постоянно высылаются вооруженные патрули всюду, где ожидается беспорядок».⁴¹ Источник приводит свидетельство о решительных мерах со стороны депутатов Совета по предотвращению попыток спровоцировать несознательные элементы на погромные действия, когда революционными патрулями было «уничтожено несколько вагонов огромных запасов спиртных напитков, они вылиты на землю и политы керосином и нефтью».⁴² Однако из протокола заседания исполкома явствует, что необходимость подобных мер руководство пыталось связать с «анархическими» настроениями матросов и предполагало действие этих мер «только до полного успокоения команд».⁴³ В те дни массы еще не успели осознать истинный смысл приказов о «восстановлении порядка», которые были отданы эсеровски и меньшевистски настроенными лидерами. Но проводимые большинством депутатов первые стихийно-революционные мероприятия шли вразрез со сдерживающим влиянием соглашателей и включали в себя, например, отразившиеся в протоколах факты арестов контрреволюционных элементов,⁴⁴ поддержание городского порядка сразу после осуществления революции, когда старые полицейские попрыгались, опасаясь возмездия,⁴⁵ назначение и смещение лиц местной администрации и командования. Так, по ходатайству надзирателей гельсингфорской тюрьмы ее начальник был «удален от занимаемой должности».⁴⁶ С заявлением об этом выступил на заседании исполкома 8 марта член ЦК Социал-демократической партии Финляндии Г. С. Ровио. Заседание проходило под председательством Ренгартена, он участвовал в прениях по вопросу и сформулировал постановление исполкома.⁴⁷

В дневниковых записях этого периода можно было бы ожидать большей тщательности воспроизведения событий, тем не менее в отдельных случаях документ восполняет некоторые сведения, отсутствующие в протоколах — основном источнике по истории Совета. В частности, это касается показа отношений между Советом и финской Социал-демократической партией. Протоколы свидетельствуют об одобрении депутатами ее требования восстановить автономные права Финляндии,⁴⁸ о согласии исполкома с ее предложением «совместными усилиями организовать охрану Гельсингфорса».⁴⁹ Однако в протоколе исполкомовского заседания от 9 марта, где отражено решение направить делегацию,

⁴¹ Там же, с. 113.

⁴² Там же.

⁴³ ЦГАВМФ, ф. р-2063, оп. 1, д. 2, л. 2.

⁴⁴ Известия Гельсингфорского Совета, 1917, № 8, 21 марта.

⁴⁵ Там же, № 1, 9 марта.

⁴⁶ Там же, № 3, 12 марта.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ ЦГАВМФ, ф. р-2063, оп. 1, д. 2, л. 3 об.

⁴⁹ Известия Гельсингфорского Совета, 1917, № 4, 14 марта.

в состав которой был избран Ренгартен, для приветствия Социал-демократической партии Финляндии,⁵⁰ не содержится конкретных наказов делегатам. Между тем в дневниковых записях Ренгартена сохранились более подробные сведения об одной из целей отправки делегации: «Я ездил в Центр. комитет Социал-демокр. партии Финляндии, говорил им речь и просил помочь нам в охране Финляндии на границе от проникновения немецких шпионов и провокаторов».⁵¹

«Вообще воззвания Комитета хороши, — пишет автор дневника о распорядительном органе Гельсингфорского Совета, — и намерения правильны, но видно абсолютное неумение руководить „исполнительной частью“».⁵² Воспроизведенные дневниковыми записями этапы оформления Гельсингфорского Совета показывают, что восставшие массы создали свой орган революционной борьбы в столице Финляндии до прибытия из Петрограда посланцев Совета, добровольно передавшего власть буржуазии. Источник подтверждает, что Гельсингфорский Совет, как и Советы по всей стране, создавался творчеством самых широких народных масс.⁵³ Вполне естественно, что матросы, солдаты и рабочие, пришедшие к управлению высшим органом власти в городе и крепости, еще не успели приобрести достаточного опыта руководства политическими организациями Гельсингфорского района и Финляндии, на которое Совет претендовал с момента возникновения.⁵⁴

Записи Ренгартена освещают его деятельное участие в организации состоявшихся 6 марта выборов четырех депутатов в исполком Гельсингфорского Совета от офицеров флота и армии. Сопоставление их числа с общей численностью Совета («человек 500»⁵⁵), приведенной в записи от 7 марта, указывает на представление Советом очень незначительного количества мест представителям бывшего царского государственного аппарата. Таким образом, источник интересен сведениями о первоначальном офицерском представительстве в Совете 1-го созыва и особенно о подлинно народном составе органа, возникшего в дни революционного подъема в марте 1917 г.

Дневник раскрывает личное отношение автора к происходившему, чего не могут сделать ни протоколы заседаний, ни газетные материалы. 14 марта Ренгартен признается в дневнике, что «избрание в Совет» выилось для него «тяжелым испытанием» и что он «пошел на эту голгофу единственно ради восстановления спокойствия, уничтожения розни между офицерами и матросами, ради восстановления работы для войны».⁵⁶ Это откровенное замечание в апреле дополняется записью о том, что автор помышлял

⁵⁰ ЦГАВМФ, ф. р-2063, оп. 1, д. 2, л. 9.

⁵¹ Красный архив, 1929, № 1, с. 115.

⁵² Там же, с. 113.

⁵³ Балтийские моряки... , с. 42.

⁵⁴ См.: *Петраш В. В.* Моряки Балтийского флота... , с. 74.

⁵⁵ Красный архив, 1929, № 1, с. 114.

⁵⁶ Там же.

о вступлении в партию эсеров и познакомился с «теорией социализма» по трудам Каутского.⁵⁷ Однако на протяжении последующих месяцев дневник отразил его разочарование в эсеровской программе, резкое изменение отношения к Керенскому, с которым в апреле Ренгартен познакомился лично.

По прошествии месяца со времени февральских событий Ренгартен с неудовольствием констатирует факт дальнейшего развития революции и упоминает о «разгорячившихся страстях», прежде всего о действиях «крайних элементов в Советах и комитетах».⁵⁸ 8 апреля, с горечью отмечая «впечатление анархии», что в его контексте равнозначно свидетельству о революционизации масс, автор дневника делает необычайно ценные наблюдения о падении престижа соглашательского руководства Гельсингфорского Совета: «В глазах... матросов потеряли авторитет не только офицеры, но и „Исполнительный комитет“».⁵⁹ Хотя в это время Ренгартен находился в отпуске по болезни и не мог быть очевидцем столкновений между большинством депутатов и эсеро-меньшевистскими лидерами Совета, резолюции заседаний продолжают оставаться в центре его внимания.⁶⁰ Об этом сообщает запись от 19 апреля, которую никак не назовешь беспристрастной: «Слышал, что в Гельсингфорском Совете депутатами был поднят вопрос о „контроле над оперативной частью штаба командующего флотом“ и эта дикая мысль была принята при общем одобрении».⁶¹ По всей вероятности, Ренгартен имеет в виду решение исполкома от 7 апреля «о разрешении цензурной комиссии читать письма, адресованные командующему флотом и старшим военным и морским начальникам», «все письма без исключения, не считаясь с общественным положением адресата».⁶² В постановлении, свидетельствующем о мерах Гельсингфорского Совета, направленных на демократизацию флота, флаг-офицер штаба видит угрозу привилегированному положению верхушки командования, и это в первую очередь вызывает его негодование, прикрываемое протестом против вторжения в «святая святых» управления флотом.

Тон дальнейшего повествования становится все более пессимистическим. Эволюция настроений попутчика революции интересна сама по себе. Источник является показателем той политической ориентации, к которой развитие событий привело соглашательское руководство Гельсингфорского Совета. Рассматриваемый раздел дневника особенно рельефно показывает расхождение бывшего офицерского депутата с настроениями матросской массы, делегировавшей основной состав Совета. На основании дневника нетрудно установить ту степень различия между взглядами ру-

⁵⁷ ЦГАВМФ, ф. р-29, оп. 1, д. 200. л. 20 об.

⁵⁸ Там же, л. 22 об.

⁵⁹ Там же, л. 19.

⁶⁰ Там же, л. 20 об.

⁶¹ Там же, л. 22 об.

⁶² Известия Гельсингфорского Совета, 1917, № 24, 13 апреля.

ководящей-верхушки и его рядовых депутатов, которая во многом объясняет невозможность для соглашателей и дальше навязывать свою волю подавляющему большинству Совета.

Со времени июньского кризиса Ренгартен почти не упоминает Гельсингфорсский Совет на страницах своего дневника, лишь изредка мы обнаруживаем в документе сведения о революционном пути прежних «коллег» Ренгартена по мартовским заседаниям Совета. Прежде всего — о председателе Центробалта П. Е. Дыбенко, о делегате Балтийского флота на II Всероссийский съезд Советов Н. А. Ховрине, о капитане 1-го ранга А. А. Ружеке, вставшем на сторону Советской власти и принявшем участие в коллегиальном управлении флотом в декабре 1917 г.

Несмотря на явную тенденциозность дневниковых записей за последние месяцы, они не теряют своей ценности для освещения событий благодаря основному принципу, которого их автор придерживался на протяжении всех лет ведения дневника: «...человек в уединении, вне центров событий, обязанный умышленно отвлекаться от „современности“, как летописец никуда не годится...» Вот почему в период обострения болезни, а может быть, и вследствие неопределенности в выборе дальнейшего пути в последней записи от 18 февраля Ренгартен приходит к заключению: «В сущности я больше не вправе писать... слишком изолирован от событий и сужу только по тому, что рассказали другие и что пишут газеты...» Этот принцип автора во многом предопределил отмеченные достоинства документа.

Критический анализ дневника Ренгартена дает основание говорить об определенной значимости этого своеобразного источника для дальнейшего изучения этапов борьбы балтийских моряков на пути к Октябрьскому штурму и особенно для разработки малоисследованных проблем из истории революционного Гельсингфорса в 1917 г.

Т. П. КОРЖИХИНА

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

(1917—1936 гг.)

К числу крупных проблем, привлекающих возрастающее внимание исследователей, относится история общественных организаций. Необходимость изучения их вызывается не только научной, но и практической потребностью более глубокого рассмотрения всей системы политической организации общества, составной частью которой наряду с Коммунистической партией и Советским государством являются и общественные организации. Развитие социалистической государственности в направлении к коммуни-